

Повседневность Горного Алтая в условиях советской модернизации 1920-х гг. (по материалам газеты «Ойротский край»)

Н. В. Тихомиров

В статье отражены результаты изысканий о повседневной жизни Горного Алтая 1920-х гг. по материалам региональной периодической печати. Проанализированы выпуски газеты «Ойротский край» за указанный период. Рассмотрены разные стороны сельской повседневности, связанные с домашним бытом, семейными отношениями, досугом, обеспечением здоровья, духовно-нравственными представлениями, общественной работой, хозяйственной и управленческой деятельностью. Выявлены поведенческие и мировоззренческие особенности местного населения, отражена динамика их изменений в условиях ускоренной советской модернизации. Показана степень охваченности «культурным обновлением» различных категорий населения. Прослежены предпосылки связанных с этим конфликтов и противоречий, особенности их проявления в повседневной жизни. В основу работы положены принципы историко-антропологического исследования. Полученные выводы призваны расширить научные представления о повседневности Горного Алтая в рассматриваемый период, углубить понимание специфики протекания культурной революции на окраинах советской России, полнее раскрыть познавательные возможности советской периодической печати как ценного исторического источника.

Ключевые слова: Горный Алтай, история повседневности, обыденное сознание, Ойротия, периодическая печать, советские газеты.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Повседневность Горного Алтая в условиях советской модернизации 1920-х гг. (по материалам газеты «Ойротский край») // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 8–27. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_8. EDN: GIVMNZ

Введение

Объектом исследования является повседневность Горного Алтая в первое послереволюционное десятилетие. Предметом изучения служат особенности бытового поведения и обыденного сознания жителей региона в условиях начального этапа советской культурной революции 1920-х гг. Источниковую базу составили номера газеты «Ойротский край» за соответствующий период.

Политическая и социально-культурная история Горного Алтая основательно освещена в советской [1; 2] и современной научной литературе [3–9]. В трудах исследователей затронуты проблемы крестьянского быта Алтая в XX в. [10], коренного кочевого населения Ойротии¹ [11], становления и развития местной периодической печати [12; 13]. В историографии новейшего периода получили проработку вопросы повседневной жизни региона [14; 15]. Рассмотрены вопросы привлечения периодической печати как источника для историко-антропологического изучения Горного Алтая [16; 17].

Задачи исследования состоят в расширении и уточнении представлений об особенностях жизнеустройства, ценностных установках и повседневном мышлении жителей Горного Алтая 1920-х гг. В основу работы положены методы системного и структурного анализа газетных публикаций, широко использован описательно-повествовательный метод. Формат статьи не позволяет приложить к обширному массиву материала всего комплекса актуальных исследовательских практик, включая методы дискурсивного и контент-анализа, историко-типологического метода и т. д. Сознывая ограниченность объёма публикации, мы делаем упор на выявлении и характеристике структур повседневности, нашедших конкретное отражение в материалах периодической печати. Выражаем уверенность, что проделанная работа будет полезна для дальнейших изысканий, призванных расширить данный первоначальный опыт.

Публикации «Ойротского края» ценны как известия о повседневной жизни, полученные из первых рук. Авторы большинства заметок, сельские корреспонденты – деятельные обыватели, оповещавшие редакцию о текущих событиях и происшествиях.

¹ Понятие, использовавшееся в 1922–1948 гг. для обозначения Ойротской автономной области РСФСР (с 1948 – Горно-Алтайская автономная область; ныне – Республика Алтай в составе РФ).

Это документы эпохи, отобразившие наличную действительность региона в многообразии частных обстоятельств.

Некоторые материалы близки этнографическим очеркам, они изображают хозяйственный уклад, привычки, обычаи и суеверия, создавшие своеобразие социально-культурной среды сельских сообществ. Авторы воспринимали описываемые явления как данность, не вызывающую познавательного любопытства. Для историка же, вооружённого антропологической оптикой, в этой череде небольших сообщений открывается широкое поле для проблемных изысканий. Если человек 1920-х гг. писал о чертах своего окружения, чтобы способствовать их скорейшему искоренению, то современный исследователь вчитывается в те же строки, дабы восстановить по ним обычную систему повседневности отдалённого прошлого.

Результаты

Советский культпоход по сёлам Алтая преобразил бытовой уклад местного населения. Наиболее революционными оказывались перемены в жизни алтайцев, которые впервые осваивали бытовые навыки, хорошо известные русскому населению региона. В 1928 г. женщины-делегатки Онгудайского аймака указывали, что начинают купать детей, заводят корыта для стирки белья, обставляют юрты столами и скамейкам. Алтайки урочища Улита взяли обыкновение умываться, что раньше не считали нужным. Одна из них делилась опытом: «Посуду я мою каждый день, мету пол, мою его. Теперь в баню вся семья ходит». Нехитрые новшества давались порой нелегко. Делегатка от урочища Кулада рассказывала: «Трудно сначала было. Как мыть пол, не знала» [18, с. 2]. Подспорье в овладении бытовыми навыками оказывали работники юрт-передвижек, помогавшие на местах организовать пункты ликвидации безграмотности и курсы домоводства [19, с. 2].

Важную часть бытового благополучия составляли вопросы охраны здоровья, с чем имелись трудности, обусловленные обычаями и традиционными практиками. Например, летом каждая деревня нанимала пастуха, который поочерёдно кормился в каждом дворе по нескольку дней, принимая пищу вместе с семьёй хозяина из общей посуды, пользуясь часто хозяйским бельём. В итоге он становился разносчиком заразных болезней,

в частности сифилиса [20, с. 5]. Оказание врачебной помощи населению затруднялось деятельностью знахарок, священников и алтайских шаманов (камов). Несведущие люди по привычке тянулись к народным целителям, неся материальные издержки и подрывая здоровье. В 1929 г. священник села Чепош посоветовал женщине, у ребёнка которой загноились глаза, заварить густой чай, напустить в него мыла и таким составом промыть ребёнку глаза; другой гражданке он велел прикладывать к ране солёную селёдку [21, с. 4].

Распространение полезных знаний и навыков требовало надлежащей организации свободного времени селян. В области досуга и развлечений новаторы вели борьбу с праздностью, пошлостью и пьянством. Последнее имело подчас губительные последствия. Народные гуляния, неизменно сопряжённые с выпивкой, нередко оборачивались настоящим бедствием. Особые бесчинства приходились на дни больших церковных праздников, как это было в 1928 г. на Христово Воскресение: «То там до полусмерти избили, то в другом месте несколько ребер с места вышибли»; «Зайди в больницу – вот лежит тихая парочка. Это хозяин и гость: один вилами проткнут, у другого ребра нет» [22, с. 4].

Противодействие пьянству силами местного партактива нередко было фиктивным. Партийная ячейка одного из аймаков постановляла: «не пить», «бороться с пьянством», «не останавливаться даже перед такими мерами, как исключение из рядов партии». Но сами партийцы пили «до бесчувствия», забывая о собственных постановлениях [23, с. 2]. Молодые политработники осваивали риторику, требуемую для формальной отчётности, менять же собственное поведение не считали нужным. Торжественные сводки об успехах общественных мероприятий оставляют иной раз противоречивые ощущения. В 1924 г. селькор одного из районов писал: «... основное то, чтобы вся ячейка решила не пить» [24, с. 2]. В этом сообщении примечательно невольное признание поражённостью пьянством местного партрактива.

Борьба с изъятиями общественной нравственности велась также по линии культпросвета и шла с переменным успехом. С одной стороны, публичные лекции, театральные постановки и показы с использованием волшебного фонаря притягивали обывателей. С другой – скудость материальных возможностей зачастую не позволяла развернуть полезную деятельность на по-

стояннoй oснoвe. Сeльсoветы и аймачные испoлкoмы пoдчac нe мoгли oбeспeчить рaбoту прoсвeщeнцeв нa мeстax, oтчeгo eдвa сoздaннe избы-читaльны стoяли в зaпустeнии. Мeстнoe нaсeлeниe при всeм сoчувствии к дeлу кoльтурнoгo oбнoвлeния нe oблaдaлo пoнимaниeм тoгo, кaк нaлaдить тaкую рaбoту. В итoгe прeжним фoрмaм дoсугa нeчeгo былo прoтивoпoстaвить.

Пeрвeйшaя прoблeмa кoльтурнoгo aктивa нa мeстax свoдилaсь к умeнию увлeчь нaсeлeниe нoвизнoй, чтo пoрoй успeшнo дoстигaлoсь. В фeврaлe 1924 г. кoмсoмoльцы Усть-Кaнa пoстaвили пьeсу «Сивoлaпинскaя кoмeдия», кoтoрaя сoбрaлa дo 200 чeлoвeк и прoшлa oчeнь живo. Пo нaблюдeнию сeлькoрa, нeкoтoрoe врeмя спустя сeлянe пoвтoряли «нaибoлee мeткиe вырaжeния из пьeсы», чтo свидeтeльствует o сильнoм впeчaтлeнии, кaкoe прoизвeлa нa них пoстaнoвкa [25, с. 2].

Oгрoмнoe знaчeниe здeсь имeли нaвыки мaссoвoй рaбoты. Нo для члeнoв мeстных ячeeк, выдвинутых из крeстьянскoй срeды, тaкaя дeятeльнoсть былa чуждoй. При дoлжнoм урoвнe грaждaнскoй сoзнaтeльнoсти им пoпрoсту нeoткудa былo взять нужнe знaния и oпыт. В 1928 г. сeлькoр критикoвaл кoмсoмoльскую ячeйку сeлa Тьргaнa зa нeспoсoбнoсть нaлaдить кoльтурнo-мaссoвую рaбoту. Пoлезнe нaчинaния свoдились к плясaм: «Пoстaвили спeктaклe. Кoнчили, чтo дeлaть дaльшe? Прeдлaгaют игрy рoкoвoдитeли вeчeрa. Мoлoдeжь oткaзывaeтсa, нaчинaeт тaнцeвaть. Тaк в тaнцax вeсь вeчeр прoшeл. В aпрeлe жe был устрoен вeчeр вoспoминaний. Пoслe кoрoтeнькoгo дoклaдикa oпять принялись зa тaнцы» [26, с. 4]. Пoхoжим oбрaзoм oбстoяли дeлa в ячeйкe ВЛКСМ сeлa Мaнжeрoк. Сeлькoр, пoсeтивший тaм мoлoдeжнoe сoбрaниe, тaк oписaл увидeннoe: «Сeкрeтaрь срeди кучи мoлoдeжи жмeтсa гдe-тo у стeнки и нe знaeт, кaк приступить к oткрытию сoбрaния. Пoвeсткa никaкoй нe рaзрaбoтaнo, a вoпрoс eсть и дoвoльнo сeрьeзный – рaсшaтaлaсь ячeйкa. Цeлый мeсяц нe былo сoбрaний. Дисциплинa пaлa. Из дeвяти члeнoв ячeйки eлe-eлe нaсчитaл пять, дa и тo oдин кудa-тo скрылсa, oстaлoсь чeтырe <...> нe сoбрaниe, a бaрaхoлкa». Мeрoприятиe тaкжe зaвeршилoсь гуляниeм, вызвaвшим рaздрaжeниe сeлькoрa: «Ничeгo сoдeржaтeльнoгo, дaющeгo пищи для умa» [27, с. 2].

Нeрeдкo сущнoсть нoвых oбщeствeннo-пoлитeских oргaнизaций oстaвaлaсь нeпoятнa oбывaтeлю. Привносимые

свыше модели общественного устройства люди наитием пытались подладить к издавна освоенным навыкам поведения. В итоге советское строительство на низовом уровне было современным по внешности, но глубоко традиционным по содержанию. Так, в январе 1927 г. селькор бранил председателя одного из сельсоветов за то, что тот, получая казённое жалование, не мог перестроить управленческую работу, ведя дела по старинке: «Чуть что, скорей за сельским исполнителем да народ сзывать на сходку». Избранный глава сельсовета действовал, по сути, как сельский староста прежнего времени. Не желая вдаваться в содержание насущных вопросов, он перекладывал ответственность за их решение на крестьянский мир, выхолащивая функцию сельсовета как управленческого органа. «Выходит, что свою Советскую власть мы избрали, а она – в кусты» [28, с. 2], – огорчился автор заметки.

В 1927 г. житель посёлка Тырга по личной просьбе получил место под пасеку у населенно пункта Куманак. Сельсовет выдвинул условие, чтобы тот «каждый год до отказа поил их пивом», что пасечник исправно делал, однако члену сельсовета показалось мало, и он стал требовать больше под угрозой изъятия земельного участка. Со слов селькора, граждане «не хотят верить, что это советский работник, они говорят: “Это прежний староста”» [29, с. 4]. Эти и многие подобные примеры высвечивают коренную проблему новых институций в послеволюционной России: их внедрение *de jure* часто не сопрягалось с перестройкой обыденного сознания. Люди воспроизводили строй прежней жизни посредством новых учреждений, которые, по задумке реформаторов, должны были его ломать.

Деревенские обыватели выказывали непонимание даже самих понятий социалистической модернизации, через которые она укреплялась в культуре. Слова «коммунизм» и «коммунист» оставались для них наполненными зловещими смыслами. Так, в селе Соузге летом 1923 г. с трудом был создан культурно-просветительский кружок, куда записались лишь 18 человек из молодёжи. Прочие, особенно девушки, опасались: «не в коммунисты ли нас хотят заудить». Селяне отказались помогать кружку помещением, дровами, керосином и прочим: «Умней отцов захотели быть, стариков учить задумали» [30, с. 2]. В селе

не завели ещё ни школы, ни избы-читальни, то есть систематической работы по просвещению налажено не было.

Пассивное противление просветительскому почину сохранялось и там, где новые институты заработали. В селе Салганде в 1924 г. имелись отделение культпросвета, изба-читальня и драматический кружок, действовала ячейка РКП(б). Однако крестьяне уклонялись от культурных начинаний, отговариваясь тем, что «своих дыр много починять приходится». Старшее поколение старалось оградить подростков от нововведений: «Сейчас-де в культпросвет, а оттуда в комсомол выдумаете, а там на всеобуч. Вот тут-то хлопоты и чистый убыток – разорение!» Родительской воле в основном подчинялись. По замечанию селькора, сознательных граждан в селе было «один-два и обчелся». Зато к местному съезжому престольному празднику здесь не жалели «ни средств, ни время, ни хлопот» [31, с. 4].

Коммунизм как иную, наступающую, действительность воспринимали наитием. Признаки новой жизни сталкивались со старыми устоями, что вызывало тревожность у сельских жителей, особенно если дело доходило до ниспровержения того, что виделось основой жизненного строя: церкви, патриархальной семейственности и т. д. Для части общества отказ от прежних ценностей был сравнительно лёгок, поскольку сопровождался приобретением ранее не доступных благ в виде образования, свободы общения и улучшения хозяйственного состояния. Однако для поколений отцов и дедов из числа состоятельных граждан эти вещи не были привлекательны, поскольку в них не испытывали потребности и не видели возможной пользы. В насаждаемых преобразованиях они видели порушение привычных устоев, служивших им залогом житейского благополучия. В 1925 г. «Ойротский край» рассказывал о семье некоего Кузнецова из села Чемал, чья жена была активной делегаткой, сын – деятельным членом в отряде юных пионеров. Сам Кузнецов по неназванному поводу долго отсутствовал, вернувшись, погнал обоих из дома, поскольку те «стали на коммунистический путь». Чтобы заслужить прощение отца семейства, обоим следовало «отречься» от организаций, в которых они состояли, вернуться к богопочитанию, посещению церкви [32, с. 5].

Культовая символика и обрядовые навыки принадлежат наиболее устойчивой части ядра традиционной культуры. Потому

отрицание модернизаторами бога и церкви служило одной из главных причин раздора в деревенских сообществах. При этом религиозное поведение в быту не было сопряжено со строгим следованием духовному учению, которое к тому же не было в достаточной мере доступно рядовым селянам. Христианский этикет воспринимался через призму традиционных представлений, ценность которых определялась исторической глубиной традиции, но не была подкреплена надлежащим идейным основанием. Приверженность к такого рода практикам являлась, по сути, укоренённой привычкой, поддерживаемой воздействием общественного окружения. Человек, получавший возможность преодолеть внешнюю ограниченность сельского быта путём взаимодействия с носителями новых культурных идеалов, сравнительно просто отказывался от прежних установок. Пропагандистские мероприятия и причастность к просвещённому кругу общения обеспечивали нравственное подкрепление и легитимацию нерелигиозных форм повседневности. Прежде всего это касалось молодёжи, не завершившей первичной социализации, имевшей возможность критического восприятия старины. Старшее поколение, замкнутое в условиях прежнего быта, выказывало стойкую враждебность наступлению светского модерна. Кое-где ещё крепок был старый уклад жизни: «Бабушки и кумушки собираются кучками, ведут разговоры об антихристе, о последних временах, о коммунистах <...> которые мешают жить по-дедовски» [33, с. 2].

В Чемале в 1924 г. произошла распря между родителями и дочерью на почве религиозного отступничества последней. Пятнадцатилетняя девушка была послана на школьное обучение в Улалу, где, «почувствовав себя свободной от родительского влияния, она сразу же вступила членом в школьную ячейку Комсомола». Приехав домой на каникулы, школьница тут же выказала забвение прежних устоев: при входе в комнату не перекрестилась на красный угол. Обновление нравственного облика дочери родители встретили гневно: «Мало того, что переучилась, бога забыла, молиться отучилась, ещё и антихристову печать на грудь прицепила» [34, с. 4]. Для вразумления молодую комсомолку отправили в церковь к заутрене. Противиться родителям она не посмела, но за всё время службы сознательно ни разу не перекрестилась.

Иной случай имел место в 1925 г. в Улаганском аймаке, где «малограмотный теленгит», член местного исполкома, проникся идеей о равноправии женщин. Своей дочери, по обычаю сосватанной ещё младенцем, он предоставил свободу выбора супруга и вернул семье первого жениха полученный ранее «калым». Этот поступок произвёл «сильное впечатление на граждан, в особенности на женщин и девушек-алтаек» [35, с. 3].

Раскрепощению нравов способствовало и устранение институтов, обеспечивавших устойчивость традиций, прежде всего – церкви. Удар, нанесённый ей реформаторами, пошатнул её статус как аттрактора социально-культурного развития. Борцы с религией на местах подчас довольно тонко понимали важность мягкого воздействия на сознание селян в борьбе с церковностью и суевериями. Опыт показал просветителям, во-первых, стойкость мистических убеждений в народной среде; во-вторых, отторжение обывателями приёмов грубого богоборчества. Так, накануне Рождества 1926 г. «Ойротский край» наставлял: «В вопросе проведения антирождественской пропаганды мы должны соблюдать строжайший такт и осторожность, не допуская резких выпадов против религиозных чувств верующих» [36, с. 4].

Истребление религиозности происходило в попытках заместить формы церковного поведения светской обрядовостью. Повсеместно получили распространение «октябрины» – коммунистический аналог крестин. Примеры изобретательности при подборе революционного имени были разнообразны. Иногда сочинители, не слишком умствуя, могли наречь новорожденного «Лениным» [37, с. 3]. Порой творческие находки бывали затейливы: «Сейчас у нас проходит перестройка всего народного хозяйства: рационализация, электрификация, машинизация и индустриализация. В честь этого имя ребёнку дали Рэми» [38, с. 2]. Об укоренении новой практики свидетельствуют стихи о прогульщике, напечатанные в газете в 1926 г.:

«В понедельник я напился,

Вторник – сына октябрил...» [39, с. 2].

В борьбе за умы имел значение каждый шаг: при бездеятельности просвещенцев люди легко возвращались в русло прежних порядков. Селькор из Александровки сообщал: «Вот пришла пасха, в церкви поднялся трезвон, а избач ничего в из-

бе-читальне не устроил – молодёжь и пошла к заутрене» [40, с. 4]. Духовенство прилагало усилия для сохранения паствы. Так, в Русском Камлаке священник организовал крестный ход первого мая, «чтобы сорвать праздник» [41, с. 1].

Впрочем, религиозные воззрения неуклонно расшатывались, ярким проявлением чего стали выступления бывших служителей культа, публично порывавших с былыми занятиями. Таково, например, письмо в редакцию «Ойротского края» одного из местных шаманов, признававшегося: «Не веря в богов, я всё же продолжал камлать из-за заработка, из-за почёта, который нам оказывали и до сих пор оказывают тёмные алтайцы». Автор призывал камов и «русских попов»: «... бросьте дурачить народ, зарабатывайте кусок хлеба честным путём» [42, с. 1]. Ему вторил другой кам: «Перед всем населением области открыто заявляю, что отрекаюсь от своего камства» [43, с. 2].

Те же настроения прослеживались в среде православного духовенства. Бывший начетник на страницах газеты признавался, что служил, не разбираясь в том, к какому вреду ведёт его деятельность: «Теперь я понял, что всё это ведёт только к заблуждению, к обману, а поэтому отказываюсь от обязанностей наставника» [44, с. 2]. Другой гражданин жаловался, что его как сына священника «многие считают пристрастным к религиозным воззрениям». Он, хоть и получил религиозное воспитание, резко отвергал «религиозные предрассудки», будучи верным «заветам наших вождей» [45, с. 4]. Это письмо по-своему показательное. В местных малочисленных сообществах слухи пускались легко и распространялись быстро, отчего в короткий срок могли дурно сказаться на жизни конкретного человека. Обращение в газету оставалось порой для жертвы народной молвы последней возможностью защитить личную честь и достоинство. Примечательно в этой связи письмо жителя Улалы, трудившегося членом-консультантом и секретарём областного планового отдела. Его беспокоили слухи о его мнимой принадлежности к партии эсеров: «Последнее время эти сведения из области милой шутки переходят в область серьёзных обвинений, почему я и решил публично ответить» [46, с. 2].

Роль авангарда модернизации на низовом уровне советское руководство отводило комсомольцам, кружковцам, избачам и прочим представителям просвещенческого актива, ждало от них

гражданской сознательности, распространения социалистической культуры. Однако попадание селян во вновь учреждаемые организации не всегда было следствием осознанного, идейно подкреплённого выбора. В комсомольские ячейки по классовому основанию мобилизовали самых разных людей. Рабочих задач этой структуры они могли не понимать в силу невежества, а собственное членство в ней воспринимали как одну из повинностей, к исполнению коих были приучены жизненным опытом. В итоге комсомольцы по званию оставались дремучими деревенскими подростками, чьи житейские установки никак не меняло обретение нового статуса. Подчас они проявляли наклонности, в корне противоречащие провозглашённым нравственным идеалам. В 1924 г. комсомолец деревни Курунда «не советовал» приятелям идти в комсомол, поскольку там не получить развлечений: «самому приходится по частным вечеринкам таскаться». Для приятного увеселения молодой человек советовал «откупить где-нибудь избу да и поигрывать, и выпить; там можно и в случае мордобоя не трусить» [47, с. 4].

В некоторых местах комсомольцы чурались массовой работы. К примеру, в селе Бешпельтире спектакль, поставленный младшими школьниками под руководством учителя, собрал «больше взрослых и ребят. Молодёжи не видно». Местная ликвидатор пояснял: «Наши комсомольцы слабо участвуют в культурной работе» [48, с. 4].

Попытки увлечь молодёжь общественно полезной деятельностью нередко проваливались из-за косности организаторов, не знавших, как расположить подопечных к непонятным для них занятиям. Так, ячейка ВЛКСМ села Чергачака почти каждый праздник устраивала вечера, но организовывала их «так безалаберно, что у беспартийной молодёжи может пропасть охота их посещать». Летом 1928 г. проводили день крестьянской молодёжи, поставив на нём вопросы о самокритике и кружке физкультуры. Молодёжь, собравшись в урочное время, забавлялась пением и плясками под гармонь, а при первой попытке руководства ячейки начать серьёзный разговор, потянулась прочь. Из 60 списочных членов кружка физкультурников остались 20 [49, с. 2].

Ощутимые трудности возникали на уровне управления общественной жизнью. Повсеместно создаваемые советские органы

власти работали подчас никудышно. Руководящая должность воспринималась нередко как почётное положение с вытекающими отсюда патриархальными представлениями о способах осуществления вновь обретенных полномочий. В августе 1926 г. пьяный член Озеро-Куреевского сельсовета избил крестьянина со словами: «Я член сельсовета и ничего не боюсь» [50, с. 3]. Попадание таких никчемных кадров на ответственную работу проистекало из особенностей обывательского мышления. Политическое поведение нового типа предполагало учитывать профессиональную пригодность кандидатов. Однако господство традиционной рациональности подсказывало иные подходы, вроде описанного одним из селькоров в 1927 г.: «Мы имеем случаи, когда в члены сельского совета выбирали попросту, не задумываясь над личными качествами избираемого, а, как говорится, брали “с краю”, по “очереди”. И получилось, что само же общество плакалось потом с таким сельсоветом» [51, с. 2].

Вероятно, на новые должности нередко выдвигали людей в связи с их общественным положением: достойных начальствующего чина нередко искали среди уважаемых членов общины, то есть людей зажиточных. Те, в свою очередь, воспринимали это как признание собственного авторитета. Так, в деревне Новая Улала избучитальню вверили сыну зажиточного крестьянина. В новой должности он показал себя скверно и был снят «за халатность к работе и неумение», после чего оформил пособие в страховой кассе. По свидетельству односельчанина, на получаемые таким путём средства молодой человек «... устраивает помочи с выпивкой. Всё время пьянствует и занимается выгонкой арачки» [52, с. 3]. Показательно то, что распущенный парень получил должность сельского просветителя, а затем без явной нужды получил денежное содержание. Оба решения были явным выражением почтения сыну уважаемого на селе человека.

Безалаберность руководителей была также следствием трудного приживания новых социальных структур ещё в традиционном обществе. Форма, возникшая раньше осознанной потребности в ней, оказывалась дисфункциональна. Обыватель нередко стремился либо приспособить новые возможности под привычные потребности, либо пассивно принимал новшества как данность, бесполезно усложняя быт. Безответствен-

ность рождало непонимание собственных задач – того, за что ответственность и требовалось нести. В селе Аносе председатель сельсовета поначалу работал хорошо, но после «свихнулся парень: стал гулять, забыл о работе. По несколько дней, случается, не заглядывает в сельсовет» [53, с. 2].

Отношение населения к культурно-просветительской работе разнилось от горячей поддержки до резкого отторжения. Порой сельяне охотно вовлекались в налаживание новой жизни. Так, жители села Нижний Ашпанак с воодушевлением встретили учреждение кружка физкультурников и своими силами соорудили спортивную площадку. Посмотреть на стройку выходили даже женщины с грудными детьми [54, с. 2]. Жители села Булундыка деятельно способствовали развитию просвещения: один сельянин передал под ликпункт избу, другой взялся её отремонтировать; на нужды образования отчислили «по четвертаку от двора» [55, с. 2].

Частью граждан подобные мероприятия воспринимались как праздная суета. Показательно, что в числе таковых оказывались представители советских органов, которые собственное должностное положение понимали вне целей и задач программы модернизации. В Ынырге «культурная сила деревни» в лице секретаря сельсовета и счетовода крестьянского комитета общественной взаимопомощи не только избегали культурной работы («Мы не можем, да и неинтересно это»), но и насмеялись над теми, кто принимал в ней активное участие а [56, с. 1]. В селе Терехте работу ликпункта срывали трое подростков: на сборах и занятиях они «произносили неприличные слова, делали различные выкрики», смеялись над учащимися. Ребята помладше сетовали, что получать знания не удаётся [57, с. 3]. Безнаказанность смутьянов показывает, что вопросы образования мало волновали местных жителей, не спешивших пресечь вредные выходки. Порой и сами просветители оставались приверженцами старого уклада. Учительница из посёлка Сугаш была религиозна, устраивала поминальные застолья, на которых беседовала с «бабушками и кумушками» о неприятии богоборческой политики советской власти: «Мы должны делать так, как делали наши родители» [58, с. 2].

За внешней принадлежностью к новой культурной формации скрывалось иногда патриархальное мышление. Заведующий

избой-читальней села Бирюля женился на комсомолке, которую с того времени не пускал на комсомольские собрания, политические читки и т. д. Местный наблюдатель чётко уловил разрушительные последствия такого поведения: «Крестьяне смотрят на это и говорят, что если культурные люди держат своих жён в руках, так уж куда же нашим бабам ходить по собраниям» [59, с. 5].

Случалось, что специалисты, отправленные на работу в деревню, вели себя высокомерно. Один бранил крестьян за обращение к нему на «ты» как оскорбительное для образованного человека и даже поднимал этот вопрос в аймачном исполкоме. При этом сам был с крестьянами на «ты», нарочито подчёркивая собственное превосходство [60, с. 3].

Оценивая динамику советского культпохода, важно учитывать конкретные условия жизни людей. Отрезанность части граждан, в особенности детей, от новых форм культурного общения предопределяло торможение модернизации в пределах целого поколения. А значит, в ряде локальных сообществ на протяжении двух и более десятилетий воспроизводство архаичных образцов поведения могло происходить без особых препятствий. При этом старые нравы, закреплённые в повседневных привычках, могли со временем обретать противообщественное содержание, входя в противоречие с новыми требованиями общественного устройства.

К середине 1920-х гг. в регионе были зарегистрированы 2116 беспризорных, причём работа по их выявлению не была завершена. Многие дети оставались без государственной опеки и часто батрачили у зажиточных селян, где «исполняя повседневные непосильные работы, лишались возможности обучаться грамоте, участвовать в коллективной школьной жизни». Большая часть сирот, «гастролировала по селениям, попрошайничала и совершала правонарушения». Безотрадным было положение в отдалённых урочищах, где не было школ и каких-либо общественных организаций [61, с. 2].

Обсуждение и выводы

Повседневную жизнь Горного Алтая 1920-х гг. характеризует выраженное диалектическое противоречие, воплотившееся в борьбе традиционного жизненного строя с бойко насаждавшимися извне институтами. Их восприятие местным насе-

лением не было однозначным, а поддержка – единодушной. В столкновении старых и новых культурных форм, наблюдаемых в отражении периодической печати, проявляются устойчивые структуры повседневности в их местном своеобразии.

Малочисленность и рассеянность населения региона вкупе со слабыми материальными возможностями приводила к тому, что отдельные сельские сообщества неравномерно включались в процесс культурной революции. Поэтому на протяжении 1920-х гг. регион представлял собой пёструю мозаику современных и традиционных форм повседневности в их многообразных сочетаниях.

Новые навыки общественного взаимодействия и обыденного мышления лучше всего прививались тем, для кого опыт прежней культурной традиции не успел обратиться в систему руководящих привычек и закрепиться на уровне мировоззренческих стереотипов. Это создавало предпосылки напряжённости в межличностных и общественных отношениях.

Обновленческие начинания в разной мере сказались на всех сторонах жизни ойротского населения – от бытового обихода до коренных ценностных представлений. Нередко модернизация давала половинчатый либо вовсе несущественный результат: внедряемые образцы гражданского поведения вырождались в пустую обрядовость, лишь условно воспроизводящую внешние черты социалистического порядка. Вместе с тем рационально-просветительские ценности трудно, но уверенно закреплялись в общественном сознании.

Список литературы

1. Екеев Н. В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988. 208 с.

2. История Сибири с древнейших времён до наших дней: в 5 т. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. 501 с.

3. Захарова Т. В. Социальные преобразования в Горном Алтае в 1920–1930-е годы. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. 162 с.

4. Зиберт Н. П. Антирелигиозная деятельность комсомольских и пионерских организаций на Алтае в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 44–48. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5–06. EDN: ZWEEAT

5. История Алтая. В 3 т. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века) / под ред. Е. В. Демчик. Барнаул: АГУ, 2019. 484 с.

6. Колташев А. Н. Тенденции культурного строительства в Горном Алтае в 1920–1930-е годы // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 5. – С. 563–570. EDN: XBDTXZ

7. История и современность Республики Алтай: материалы республиканской научно-исторической конференции. Горно-Алтайск: Комитет по делам архивов Республики Алтай, 2012. 137 с.

8. Торусhev Э. Г. Уровень жизни сельского населения Горного Алтая с периода новой экономической политики до 1940 г. // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. – 2010. – № 15. – С. 89–100.

9. Национальный регион России в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1937–1939. (На примере Ойротии – Горного Алтая) / отв. ред. Н. В. Екеев: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Горно-Алтайск, 25–27 октября 2017 г.). Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. 180 с. EDN: ZCOSYX

10. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с. EDN: KDMXZL

11. Кочевники Горного Алтая в условиях социальных и экономических преобразований в России (вторая половина XVIII – середина XX в.) / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: БНУ РА НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2020. 472 с. EDN: OVDMGТ

12. Лавровский Н. А. Печать и социалистическое строительство в Сибири (1926–1936 гг.). М.: Издательство Московского университета, 1984. 148 с.

13. Якимов О. Д. Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: от возникновения до наших дней. Новосибирск: Наука, 2000. 190 с.

14. История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии: материалы всероссийской с международным участием научной конференции. – Бийск: АГПУ, 2018. – 152 с.

15. Модоров Н. С., Дворников Э. П. Исторический очерк по истории и культуре народов Горного Алтая в конце XVII–XX вв. // Мир Евразии. – 2015. – № 4. – С. 24–50. EDN: VFMPKV

16. Костякова Ю. Б. Пресса как «зеркало» повседневности «позднего сталинизма» (на примере Хакасии и Горного Алтая) // Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. – С. 283–287. EDN: UJAOCJ

17. Шастина Т. П. Ойротия на страницах журнала «Сибирские огни»: начальный этап формирования образа советской национальной окраины // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 158–172. EDN: SLBTIR

18. Ойротский край. – 1928. – № 33.

19. Ойротский край. – 1929. – № 95.

20. Ойротский край. – 1928. – № 50.

21. Ойротский край. – 1929. – № 52.

22. Ойротский край. – 1928. – № 33.

23. Ойротский край. – 1928. – № 67.

24. Ойротский край. – 1924. – № 29.

25. Ойротский край. – 1924. – № 29.

26. Ойротский край. – 1928. – № 34.
27. Ойротский край. – 1926. – № 1.
28. Ойротский край. – 1927. – № 2.
29. Ойротский край. – 1928. – № 68.
30. Ойротский край. – 1923. – № 7.
31. Ойротский край. – 1924. – № 28.
32. Ойротский край. – 1925. – № 47.
33. Ойротский край. – 1928. – № 40.
34. Ойротский край. – 1924. – № 21.
35. Ойротский край. – 1925. – № 81.
36. Ойротский край. – 1926. – № 90.
37. Ойротский край. – 1926. – № 7.
38. Ойротский край. – 1929. – № 53.
39. Ойротский край. – 1926. – № 29.
40. Ойротский край. – 1928. – № 34.
41. Ойротский край. – 1928. – № 40.
42. Ойротский край. – 1929. – № 50.
43. Ойротский край. – 1928. – № 99.
44. Ойротский край. – 1928. – № 99.
45. Ойротский край. – 1925. – № 7.
46. Ойротский край. – 1923. – № 14.
47. Ойротский край. – 1924. – № 26.
48. Ойротский край. – 1928. – № 3.
49. Ойротский край. – 1928. – № 67.
50. Ойротский край. – 1926. – № 56.
51. Ойротский край. – 1926. – № 2.
52. Ойротский край. – 1926. – № 56.
53. Ойротский край. – 1926. – № 2.
54. Ойротский край. – 1928. – № 67.
55. Ойротский край. – 1929. – № 95.
56. Ойротский край. – 1928. – № 97.
57. Ойротский край. – 1926. – № 89.
58. Ойротский край. – 1928. – № 40.
59. Ойротский край. – 1926. – № 20.
60. Ойротский край. – 1928. – № 70.
61. Ойротский край. – 1926. – № 2.

Everyday Life of the Altai Mountains in the Conditions of Soviet Modernization of the 1920s (Based on the Newspaper "Oirot Region" Materials)

Nikita V. Tikhomirov

The article reflects the results of research on the Altai Mountains daily life in the 1920s based on the materials of the regional periodical press. The issues of the newspaper "Oirotsky Krai" for the specified period are analyzed. Different aspects of everyday life related to household life, family relations, leisure, health care, spiritual and moral ideas, social work, economic and managerial activities are considered. Behavioral and ideological features of the local population, their changes in the conditions of Soviet modernization are revealed. The degree of coverage of cultural renewal of various categories of the population is shown. The prerequisites of the related conflicts and contradictions are traced. The work is based on the principles of historical and anthropological research. The findings are intended to expand scientific understanding of the everyday life of the Altai Mountains in the period under review, deepen understanding of the specifics of the cultural revolution on the outskirts, more fully reveal the cognitive capabilities of the Soviet periodical press as a valuable historical source.

Key words: Gorny Altai, history of everyday life, everyday consciousness, Oirotia, periodical press, soviet newspapers.

For citation: Tikhomirov, N. V. (2023) Povsednevnost' Gornogo Altaya v usloviyah sovetskoj modernizacii 1920-h gg. (po materialam gazety «Ojrotskij kraj») [Everyday Life of the Altai Mountains in the Conditions of Soviet Modernization of the 1920s (Based on the Newspaper "Oirot Region" Materials)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 8–27. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_8. EDN: GIVMNZ

References

1. Ekeev, N. V. (1988) *Social'no-ekonomicheskoe razvitiye derevni Gornogo Altaya v 1920-h godah* [Socio-economic development of the village of Gorny Altai in the 1920s]. Gorno-Altajskoe otdelenie Altajskogo knizhnogo izdatel'stva. (In Russ.)
2. Okladnikov, A. P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri s drevnejshih vremyon do nashih dnei*. v 5 t. [The History of Siberia from ancient times to the present day: in 5 volumes]. T. 4: *Sibir' v period stroitel'stva socializma* [Vol. 4: Siberia during the construction of Socialism]. Leningrad: Science. (In Russ.)
3. Zaharova, T. V. (2008) *Social'nye preobrazovaniya v Gornom Altae v 1920–1930-e gody* [Social transformations in the Altai Mountains in the 1920s – 1930s]. Gorno-Altajsk: RIO GAGU. (In Russ.)
4. Zibert, N. P. (2017) *Antireligioznaya deyatel'nost' komsomol'skih i pionerskih organizacij na Altae v 1920-e gg.* [Antireligious activity of Komsomol and Pioneer organizations in Altai in the 1920s]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. No. 5. Pp. 44–48. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5–06. (In Russ.)
5. Demchik, E. V. (ed.) (2019) *Istoriya Altaya. V 3 t.* [The history of Altai. In 3 volumes]. T. 3: *Altaj v novejšuju epohu (XX – nachalo XXI veka)* [Vol. 3: Altai in the modern era (20th – beginning of the 21st century)]. Barnaul: Altai University. (In Russ.)
6. Koltashev, A. N. (2016) *Tendencii kul'turnogo stroitel'stva v Gornom Altae v 1920–1930-e gody* [Trends of cultural construction in the Altai Mountains in the 1920s – 1930s]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: scientific research]. No. 5. Pp. 563–570. (In Russ.). EDN: XBDTXZ
7. Gavrikov, A. N. (2012) (ed.) *Istoriya i sovremennost' respubliki Altaj* [History and modernity of the Altai Republic]. *Materialy respublikanskoj nauchno-istoricheskoi konferencii* [Materials of the scientific-historian conference]. Gorno-Altajsk: Committee for archives of the Altai Republic. (In Russ.)
8. Torushev, E. G. (2010) *Uroven' zhizni sel'skogo naseleniya Gornogo Altaya s perioda novoj ekonomicheskoi politiki do 1940 g.* [The standard of living of the rural population of the Altai Mountains from the period of the new economic policy to 1940]. *Etnosocial'nye problemy regionov Sibiri* [Ethnosocial problems of the regions of Siberia]. No. 15. Pp. 89–100. (In Russ.)

9. Ekeev, N. V. (2018) (ed.) *Nacional'nyj region Rossii v epohu revolyucionnyh preobrazovanij i stanovleniya politicheskoj sistemy stalinizma. 1937–1939. (Na primere Ojrotii – Gornogo Altaya)* [The national region of Russia in the era of revolutionary transformations and the formation of the political system of Stalinism. 1937–1939. (On the example of Oirotia – Gorny Altai)]. Gorno-Altajsk: IAS. (In Russ.). EDN: ZCOSYX.

10. Shcheglova, T. K. (2008) *Derevnya i krest'yanstvo Altajskogo kraja v XIX veke. Ustnaya istoriya* [The village and the peasantry of the Altai Territory in the 19th century. Oral history]. Barnaul. (In Russ.). EDN: KDMXZL

11. Ekeev, N. V. (2020) (ed.) *Kochevniki Gornogo Altaya v usloviyah social'nyh i ekonomicheskikh preobrazovanij v Rossii (vtoraya polovina XVIII – seređina XX vv.)* [Nomads of the Altai Mountains in the conditions of social and economic transformations in Russia (the second half of the 18th – mid-20th centuries)]. Gorno-Altajsk: IAS. (In Russ.). EDN: OVDMGT

12. Lavrovskij, N. A. (1984) *Pechat' i socialisticheskoe stroitel'stvo v Sibiri (1926–1936 gg.)* [Printing and Socialist Construction in Siberia (1926–1936)]. Moscow: MSU. (In Russ.)

13. Yakimov, O. D. (2000) *Pechat' nacional'nyh regionov Sibiri i Dal'nego Vostoka: Ot voznikoveniya do nashih dnei* [The seal of the national regions of Siberia and the Far East: From its origin to the present day]. Novosibirsk: Science. (In Russ.)

14. Lityagina, A. V. (2018) (ed.) *Istoriya povsednevnosti naseleniya Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov kak forma civilizacionnoj identichnosti Evrazii* [The History of everyday life of the Population of Western Siberia and adjacent regions as a form of civilizational Identity of Eurasia]. Materials of the All-Russian conference with international participation. Biysk. (In Russ.)

15. Modorov, N. S., Dvornikov, E. P. (2015) *Istoricheskij ocherk po istorii i kul'ture narodov Gornogo Altaya v konce XVII–XX vv.* [Historical essay on the history and culture of the peoples of the Altai Mountains at the end of the 17th – 20th centuries]. *Mir Evrazii* [The World of Eurasia]. № 4. Pp. 24–50. EDN: VFMPKV. (In Russ.)

16. Kostyakova, Yu. B. (2015) *Pressa kak «zerkalo» povsednevnosti «pozdnego stalinizma» (na primere Hakassii i Gornogo Altaya)* [The press as a "mirror" of the everyday life of "late Stalinism" (on the example of Khakassia and the Altai Mountains)]. *Sovetskij sociokul'turnyj proekt: istoricheskij shans ili global'naya antiutopiya* [The Soviet socio-cultural project: a historical chance or a global dystopia]. Materials of the international scientific conference. Ekaterinburg. Pp. 283–287. EDN: UJAOCJ. (In Russ.)

17. Shastina, T. P. (2014) *Ojrotiya na stranicah zhurnala «Sibirskie ogni»: nachal'nyj etap formirovaniya obraza sovetskoj nacional'noj okrainy* [Oirotia on the pages of the magazine "Siberian Lights": the initial stage of the formation of the image of the Soviet national outskirts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. № 4. Pp. 158–172. EDN: SLBTIR. (In Russ.)

18. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 33.

19. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1929). No. 95.

20. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1929). No. 50.

21. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1929). No. 52.

22. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 33.

23. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 67.

24. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 29.

25. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 29.

26. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 34.

27. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 1.

28. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 2.

29. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 68.

30. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1923). No. 7.

31. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1924). No. 28.

32. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1925). No. 47.

33. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 40.

34. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1924). No. 21.

35. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1925). No. 81.

36. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 90.

37. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 7.

38. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1929). No. 53.
39. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1924). No. 29.
40. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 34.
41. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 40.
42. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 50.
43. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 99.
44. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 99.
45. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1925). No. 7.
46. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1923). No. 14.
47. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1924). No. 26.
48. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 3.
49. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 67.
50. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 56.
51. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1927). No. 2.
52. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 56.
53. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1927). No. 2.
54. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 67.
55. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1929). No. 95.
56. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 97.
57. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 89.
58. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 40.
59. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 20.
60. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 70.
61. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 2.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

About the author

Tikhomirov Nikita V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Source Studies of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023
Одобрена после рецензирования 11.09.2023
Принята к публикации 18.09.2023*